

будет означать абсолютного завершения однажды продолженного нами диалога.

Сравнивая язык и дискурс, можно с однозначностью отметить, что язык, сам по себе, универсален, а дискурс по определению специален. Поэтому, изучая особенности дискурса, анализируя его форму и содержание, мы с неизбежностью входим в смысловое поле той области знания, из которой взят данный дискурс. Постигая же специфическое, мы, начинаем активно использовать характерные для данного дискурса постулаты, выражения, тем самым, обретая способность как взаимодействия с культурой, традицией, индивидуальностью автора и текста, так и воздействия на содержание послания посредством преобразования его смысловой нагрузки, приращения и отбора семантически значимых членений при сохранении рамок заявленной речевой формы, тем самым воздействуя на сознательное и подсознательное умонастроение предполагаемой аудитории адресатов.

Риторическая практика «чужого слова», по М.М. Бахтину, то есть практика употребления выражений, свойственных дискурсу оппонента, употребляется в тех случаях, когда необходимо приспособиться к имеющимся речевым практикам и стереотипам его сознания. Довольно часто подобная практика производится в ситуациях, когда есть необходимость воздействия на эти стереотипы.

Таким образом, аналитическая традиция дискурса призвана изучать и говорить открыто о тех социальных явлениях, которые укоренены в языке и не существуют помимо него. Дискурс-анализ позволяет говорить о таких нерациональных явлениях, которые невозможно описать и исследовать при помощи строгого категориального аппарата науки. Так, например, Фуко исследовал проблему безу-

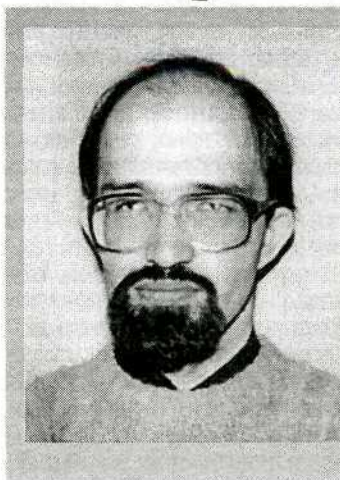
мия, изучив дискурсивные практики, сформировавшие данный объект его научной деятельности, дав ему говорить от своего имени, при том, что, собственно, языка безумия существовать не может по причине разумности его (языка) устройства

Дискурс-анализ выявляет скрытые мотивы и подоплёки автора речевого послания, он даёт возможность увидеть те специфические механизмы, посредством которых производится социальная и иная обусловленность речевых высказываний.

Современная практика гуманитарной области познания, обращаясь к дискурс-аналитической традиции, как одной из современных методик работы с документальным материалом, приобретает возможность постижения внутренней логики социальных явлений, возможность выявления способов, приёмов, каких-то своеобразных процедур в процессе их (явлений) конструирования и укоренения в реальности. Так или иначе, изучая содержательную сторону информационной составляющей человеческого существования, гуманитарная сфера не только обогащается, но и приобретает универсальный инструмент определения оценки смыслов человеческой деятельности. Более того, новые исследовательские практики, вскрывая идеологическую подоплёку текстов и высказываний, делаая ее прозрачной для носителей иных идеологических и ментальных установок, открывают новые возможности для коммуникации между представителями различных информационно-культурных сообществ. Это, в свою очередь, снижает риск конфликтности и отчуждения ввиду непонимания специфики природы другого, его намерений и конечных целей. Поэтому процесс анализа основных элементов дискурса, его ведущих тем порождает новый дискурс.

К ПОИСКУ ЯЗЫКА АНАЛИЗА МНОЖЕСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

И.В. Янков

Янков
Игорь
Викторович —
кандидат
философских наук,
доцент кафедры
связей
с общественностью
и рекламы
Уральского
государственного
университета

Характеризуя современную социальную реальность, многие говорят о неоархаике. Архаичность может пониматься и как разрушение цивилизационных институтов, и как выстраивание диалога с первооснованием (архе).

Насколько приложим язык, описывающий архаическое общество, к современному? Насколько социальные структуры и качества, обнаруживаемые в архаическом обществе, присущи обществу современному? Ответы связаны с самим взглядом, с позицией наблюдателя. Ж. Бодрийяр усматривает аналогии, но резко противопоставляет современный мир и архаику. К. Леви-Строс выявляет надисторические инварианты. В. Тернер обнаруживает подобия в динамике коммунитас и структуры, но не делает всеобъемлющих выводов и спекуляций. Можно предположить, что наиболее перспективен путь работы с архаическим ма-

териалом как способом поиска ответов на конкретные вопросы.

Среди исследователей, задавших перспективное поле исследования, можно указать Ж. Дюмезиля и М. Мосса. М. Мосс известен как автор эпохальных, но аморфных работ «О даре», «О технике тела» и как продолжатель дела своего дяди — основателя французской социологии Э. Дюркгейма. В последние годы активную работу в этом направлении ведет английский антрополог Н. Аллен. Он пытается провести связное прочтение различных работ М. Мосса и выявить скрытую за внешней аморфностью логику.

Применяя парадигматическое и синтагматическое деление к социальной реальности, мы получаем возможность сопоставлять и выявлять отношения в объемном мире. Однако, если Дюркгейм и Мосс отталкивались от тотемических родственных связей, то классификация Дюмезиля позволяет рассматривать разнокачественный мир функций. Дюмезиль выявил базовое трехфункциональное деление социальной реальности в индоевропейской идеологии. В одном из ракурсов она представлена как отношение священного, могущественного и производительного (параллель — триадичность античных, скандинавских, индийских богов, структуры Платоновского государства, индийского кастового общества).

Но схема Дюмезиля очень ограничена, она не охватывает многие отношения и не обладает гибкостью. Н. Аллен показывает возможность пятичленного анализа. К трем основным функциям добавляется четвертая — связи с внешним миром. Четвертая функция предстает в двух модусах — позитивном и негативном, что и дает пятичленную структуру.

Позитивный модус представлен образом внешним для каждой отдельной функции, но выражающим их совместность и связность (например, Пуруша в ведических индийских текстах, из тела которого происходят индийские касты). Отрицательный модус выражает наличие Других, не впи-

санных в триадическую схему (например, шудры индийской кастовой системе). Таким образом, выявляется язык, который способен выражать разнокачественные отношения в разных плоскостях, и сопоставлять феномены, принадлежащие, казалось бы, к взаимоисключающим мирам: различные кланы могут быть связаны с тотемическими животными, с частью космоса или с профессиональной деятельностью. При этом, на одной оси анализа они могут рассматриваться как тождественные, например, тотем и человек, а на другом различаться. В этом — отличие архаической классификации социальной реальности от метода работы Р. Барта, который рассматривал отдельные коды различных сегментов реальности (кулинарный код, код одежды т.д.).

В современных условиях наряду с отношениями рядоположенности (синтагматическими), на поверхность выходят ранее редуцировавшиеся отношения качественного выбора. Линейная история (синтагматический ряд), «разбухает» и дополняется позиционированием себя и текущей ситуации в ряду памятных дат и звездных событий (что случилось в этот день сто, двести, триста лет назад), ассоциирование создает дополнительное измерение истории.

Каждая корпорация и фирма стремится создать свой собственный отсчет времени и пространства и навязать его другим через широкую рекламную компанию. Но если в архаике сопряжение различных миров происходило в ритуальной магической практике, то теперь оказались востребованы социальные работники и пиарщики, в задачу которых и входит осуществление связи между разнокачественными мирами. Можно предположить, что язык первобытных классификаций в корректном прочтении позволит диагностировать социальные разрывы и делать видимыми отношения, скрытые в других ракурсах. Но научная рефлексия над подобными тенденциями пока находится только в начальной стадии.

И.Я.Мурзина

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Мурзина
Ирина Яковлевна —
доцент кафедры
культурологии
Уральского
государственного
педагогического
университета

В вопросе о существовании региональной культуры можно выделить две наметившиеся сегодня методологические позиции: признание региональной культуры как особого «варианта» национальной культуры и отрицание специфической формы культуры — региональной, подменяя ее понятием «культура региона». За этой дифференциацией — не просто игра слов, но представление о формах и механизмах, которые превращают культуру региона (географически закрепленную, транслирующую основные ценности национальной культуры, отличающуюся только особенностями бытового уклада и характером повседневности) в